

18 Цензура, которую мы потеряли

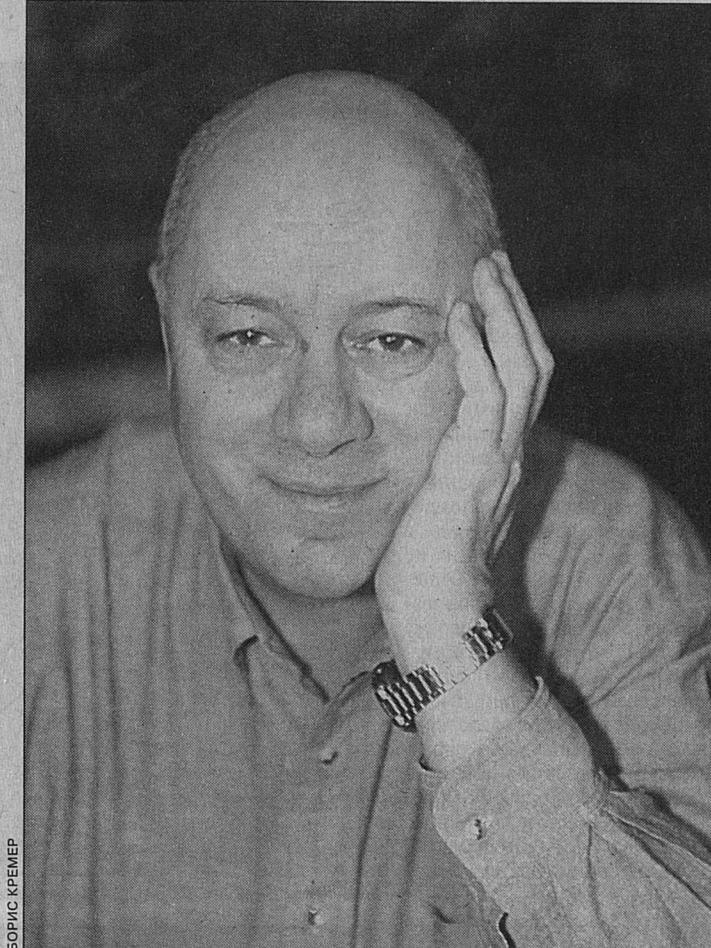
Известия. — 1999 — 20 дек. — с. 8

Аркадий ИНИН,
сатирик:

Конечно, цензура доставала, особенно — комедии. Леонид Гайдай, с которым мне посчастливилося работать, вспоминал, как в «Брильянтовой руке» цензоры переозвучили знаменитое «Я не удивлюсь, если узнаю, что ваш муж тайно посещает любовницу!», которое в оригинале звучало: «Я не удивлюсь, если узнаю, что ваш муж тайно посещает синагогу». А в «Иван Васильевич меняет профессию» на вопрос царя: «За чей счет банкет?» — отвечают: «Не беспокойтесь, не за ваш счет», хотя изначальный ответ был: «Как всегда, за счет народа!» А в любимой песенке из «Кавказской пленницы» незатейливо трогательные строчки: «Где-то на белой лыдине чешут медведи спину» — сочли неприличными и заменили конструкцией: «Грутся спиной медведи о земную ось».

Мои комедии были попрошайки и цензурировались лишь дважды. Фильм «У матросов нет вопросов!» ограничили в тираже и запретили продавать за границу «в связи с искажением советской действительности». Искажения были кошмарные: поселение в гостиницу за взятку, провоз за взятку же безбилетника в поезде и недовес с недовложением в отдельные блюда ресторана. А в комедии «Между небом и землей» генералы-десантники требовали постричь всех солдат с длинноватыми не по уставу волосами. Когда же им объяснили, что постричь снятое в кадре уже невозможно, они просто выстригли из фильма все эти кадры.

Ну, и особо блестительной была цензура в национальном вопросе. Тридцать лет назад на таджикской киностудии в моем первом фильме «Вперед, гвардейцы!» сыграл пер-

Борис КРЕМЕР

Григорий ГОРИН,
сатирик:

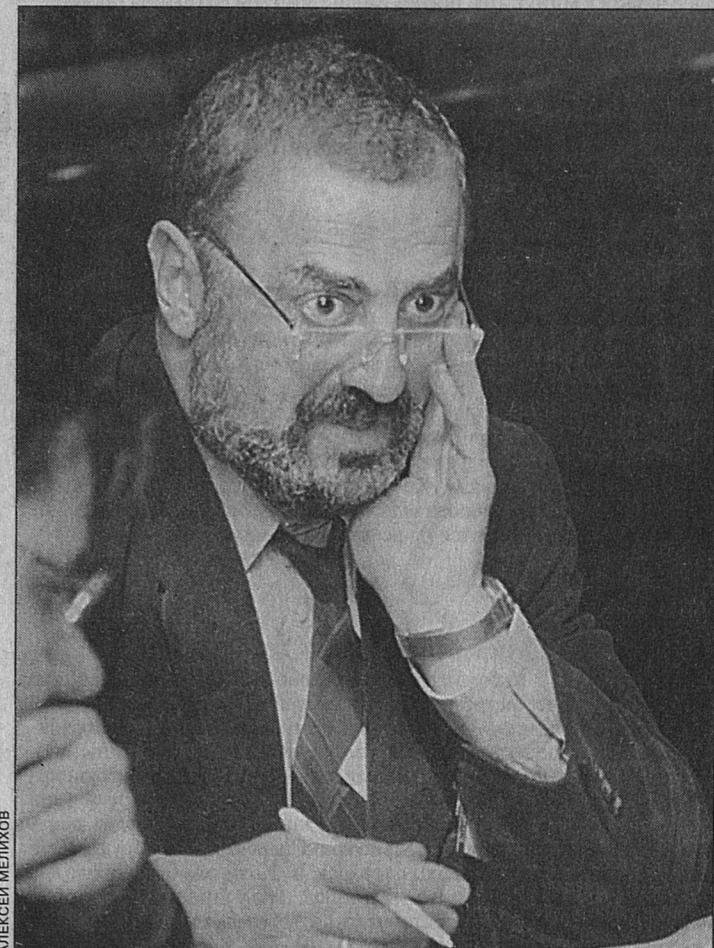
С цензурой я столкнулся с самого начала своей работы, поскольку писал всякие сатирические вещи. К тому же под цензуру попадали и мои иматеречество — вплоть до того, как мне стукнуло пятьдесят, на телевидении ко мне обращались не «Григорий Израэлевич», а «Григорий» или «Гриша» — нельзя было раздражать ту часть зрителей, которых слово «Израэлевич» травмировало.

Цензурировали и мои тексты: когда я написал пьесу «Забыть Герострата», то ее очень долго не разрешали — Древняя Греция, зарождающийся фашизм... В брежневские времена это что-то напоминало. Вот тогда-то главный редактор Министерства культуры и задал мне гениальный вопрос: «Григорий Израэлевич, вы же русский писатель, зачем вы про греков пишете?»

Так было все время: «Свифт» был запрещен и пять лет не показывался по телевидению — обнаружили, что при Свифте появилось слово «диссидент». К тому же мой герой был сумасшедшим и сидел в сумасшедшем доме, а на телевидении об этом было запрещено упоминать, ведь на Западе говорили о том, что многие наши писатели облыжно объявлены сумасшедшими. И в последний момент перед выходом фильма нам с Захаровым было велено заменить все слова «сумасшедшие» на «дармоеды». «Безумный» еще проходило, а «сумасшедший» казалось явной крамой.

Цензуре подвергалось все, но иногда даже самые опытные

ли — Долидзе и Асланян. Директор подумал и сказал: «Разница в том, товарищ Фердман, что у товарищей Долидзе и Асланяна есть свои республики! Так что давайте придумаем вам какой-нибудь псевдоним, ну, какая-нибудь шарада-фараада...» Так тридцать лет назад и появился ныне народный артист Семен Фарада.

Алексей МЕНИХОВ

цензоры давали маху. Однажды перед каким-то революционным праздником мы с Аркановым сидели на телевидении и слушали выступление народного хора. Оно начиналось с песен и частушек в поддержку партии, и вдруг артисты спели: «Ох, подружка, дорогая, каждый день и каждый час// Наша

партия родная все заботится о нас».

Арканов подошел к главному редактору и шепнул ему на ухо: «А почему «ох?» Тот сам охнул, и побежал в студию: «остановить! Запретить!»

И «народную песню» запретили.

Алексей ФИЛИППОВ